

18+

Никита Божин

Улицы полны дождя и ночи

Никита Божин

Улицы полны дождя и ночи

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68794416
ISBN 9785005948144*

Аннотация

В сборник «Улицы полны дождя и ночи» вошли короткие рассказы, написанные с период с 2013 по 2023 гг., с доброй иронией и доброй сатирой описывающие повседневность. Герои произведений – простые люди, проживающие обычные и в каком-то смысле рядовые жизни. Там, где особенно ничего не происходит, радость обретается именно в мелочах, в каждодневной суете и делах: дома, на работе, в пути – везде.

Содержание

Улицы полны дождя и ночи	5
Как старые мастера	12
Дом культуры	16
Рисунок на доске	24
Согласно документации	49
Конкурс стихов	54
Развод мостов	57
Длинные волосы	59
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Улицы полны дождя и ночи

Никита Божин

*Я просто пытаюсь почувствовать веселье
На этой огромной безумной карусели.*

Литер – «Карусель»

© Никита Божин, 2023

ISBN 978-5-0059-4814-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улицы полны дождя и ночи

Всю жизнь я считал себя невезучим. Когда у кого-то случилось что-то неприятное, и он выходил «сухим из воды» или отделялся очень легко, я говорил, что случись подобное со мной, я бы так просто не отделался. Но со мной никогда ничего так и не случилось.

Это предисловие, эти два предложения, во многом способны описать и рассказать всю мою биографию. Иной раз, не требуется каких-то подробностей и обширных познаний о человеке, достаточно побыть с ним совсем немного, увидеть в одном эпизоде его жизни, и все становится ясно. Если бы кто-то тесно дружил со мной или просто ходил по пятам, не позволяя остаться одному, он бы подсмотрел тысячи таких эпизодов, которые меня характеризуют и обличают, но, в сущности, все они до боли, до тошноты похожи. Я завидую тем, у кого хоть что-то происходит, но очень не хочу, чтобы что-то произошло со мной, ведь я такой невезучий, случись чего.

Я люблю дождливые и прохладные вечера, потому что на улицах нет праздношатающихся и всяких бездельников. Кругом только занятые и немного обреченные люди, но в массе своей им лучше, когда их не разбавляет что-то постороннее. Первый раз это ощущение пришло ко мне давно, еще в юности, когда я усталый возвращался домой на обветшалом троллейбусе. Он тихо катился по улицам, еле-еле взбываясь на возвышенности, пыхтя и кряхтя, как будто старый

слон пробирается через пустыню, застревая в песках. Троллейбус шел почти пустым, внутри никто не разговаривал, и было хорошо слышно проезжающие машины и дождь. Капли растекались по стеклу и проникали через щели в тех же окнах в салон. Было прохладно, но хотя бы внутри не дул ветер. К одной из остановок троллейбус прибыл также неспешно и покачиваясь на ямах. Я поднял глаза, протер кончиком рукава запотевшее стекло, и увидел в летнем вечернем свете угасающего августовского дня уставшие, но добрые, честные лица людей, которым также как и мне только и надо было домой сегодня. Я видел в них только хорошее, и так оно, должно быть, и было на самом деле.

Наверное, я вполне доволен, что наш город слабо привлекателен для туристов, сам по себе не такой уж и большой, и все лица здесь привычные и приятные. Даже для внутренней миграции здесь мало объяснимых причин, а потому население обновляется медленно, разве что уезжает кто-нибудь. А когда, скажем, вечером во вторник идет дождь, да еще и не слабый, с ветром, то кругом нет этой бестолковой молодежи, нет этих ярко одетых мальчиков и девочек, нет стариков, нет безработных, тунеядцев и богачей, это очень прельщает. Да, улицы полны той самой любопытной народной массой, что в срезе своем как раз изображает картину среднего человека. Все они – я, мой быт, мой доход, моя жизнь. Моя жизнь даже скучнее немного, более одинока, а потому я стремлюсь к ним, хочу быть среди этих лю-

дей, так мне лучше. Я хожу среди них, но меня не замечают, не узнают, и мне обидно и радостно одновременно.

Редко что бывает как прежде. И сегодня я снова пытаюсь уловить какие-то обрывки воспоминаний о «том самом мае», когда было что-то хорошее, но ничего не возвращается. Я все помню, и сейчас вроде бы тоже неплохой, приличный май, полный мощных красок зелени, насыщенной листвы, пестреющих цветов даже под тусклыми облаками, я вновь чувствую тот самый воздух, что наполняет грудь, когда только-только утих дождь. А вот и дождь снова влил, все как тогда.

Прежде было не так, может быть даже и хуже, но ощущалось по-другому. Теперь кажется, что лучше. Мне уже не разделаться с прошлым, мне только и остается думать и оттягивать время, но не ясно для чего. И, как и всегда, дело не в упорстве, дело в желании, а его у меня нет. Я хочу, чтобы всегда было настоящее, грозящее мне будущим, а я буду сторониться от него, и тут же наслаждаться, возвращаться в прошлое и думать, думать, думать и жить.

Когда я шагаю по улице в такую капризную погоду, это позволяет отстраниться от целого мира, и он сам точно хочет меня обойти. Я не вспоминаю плохое, не прокручиваю в голове бессмысленные диалоги и сцены прошлого. Нет политики и экономики, нет социального и публичного, я не слышу медиа и сам нагружен идеями, такими легкими и понятными. Улицы полны пустотой и отстранением от всего. Теперь я в центре города, прекрасная улица с брусчаткой, со-

стоящая из красивых витрин, фасадов, урн с цветами, разного оформления, манящих баров и прочего. Бары, надо сказать, я люблю, только их нужно уметь выбирать. Тут каждому подходит свой. Важно, чтобы в своем баре присутствовал тот самый бармен, чтобы всегда стоял в наличии твой алкоголь, играла твоя музыка, не менялся интерьер и не заходил ни единый лишний человек, чтобы все свои и ни одного постороннего. Тогда это твой бар, в такой можно и зайти. Опять же, в такое время, во вторник после работы, да еще в дождь, тут только свои люди.

Хорошо, что в этом баре телевизор стоит далеко в углу, показывает только спорт и то без звука. И ни одного посетителя, кто бы всматривался в экран, даже если глаза направлены в его сторону. Как же не хочется политики, новостей, пропаганды, не хочется слушать ложь и лицемерие. Я боюсь этого, боюсь лжи. Я не люблю голоса и лица этих персон, людей подавно не на своем месте, не могу воспринимать этих артистов и дураков. Я снова вижу шоу, снова слышу эти обращения «граждане», «уважаемые», и до края панибратские «родные», «мил человек». Господи! какая невежливая вежливость, какие тлетворные речи. Меня тошнит от этого яда, я боюсь слов.

Я молча гляжу сквозь заляпанное водой стекло и думаю вот о чем. Гении должны быть одиноки. За свой дар они платят нелюдимостью. Скверным характером, фобиями, вредными привычками, чем угодно, что делает их ненормальными.

ми. Это вроде бы правильно, а может даже и хорошо. А как жить, как оправдываться, если ты не гений, но все прочие атрибуты при тебе? Можно лгать себе, можно пытаться лгать. Но я не везучий человек и никогда такому не поверю, а значит, не расслаблюсь, а значит, не сдамся. Я буду жить, как гений, не будучи им, но, в славных традициях, лучше уйду тихо и беззаветно, одиноко, но не заносчиво, никому не создавая сложностей. Таков я.

В баре тихо, очень мало людей, и никто не говорит о политике. Никто не шумит, как это бывает в суете общественного транспорта, когда в разгар дня молодежь шумит и кичится своим юношеским беспутным поведением, провозглашая, какие они отвязные и против системы. Они утверждают, что им плевать на мнения людей, но всем своим видом они говорят, что все должны знать, «насколько мне все равно!». А ведь никому не нужен чужой шум. На улице, в магазине или кафе, нигде. Повезло, что сейчас и близко таких людей нет. Бар как будто с картины Ван Гога или какого-то художника, кто вообще мог нарисовать бар и кафе. Хочется смотреть на картину, быть там и никуда не уходить. Эта тишина манит, а бездействие на ней влюбляет до безумия. Здесь каждый человек без судьбы и истории, и это хорошо.

Вот вошел человек, обычный, немолодой. Ботинки у него начищены один лучше другого. Больше ничего особенного и привлекательного я не заметил. Он так прошел и исчез за моей спиной. Это здорово, что больше никаких примет и ни-

какого внимания, люди протекают тихо, так спонтанно и так приятно.

Я вышел из бара. Дождь поутих, снова тот самый запах, только на улице чуть темнее, но зато зажигаются фонари. Смотрю на плафоны, они тянутся стройными симметричными полосами по двум рядам противоположных тротуаров параллельно друг другу, и ни одного битого, все целехонькие. Замечательно, когда люди не бьют фонари, это так радует. Неспеша иду, как будто время для меня совсем остановилось. Я живу здесь совсем близко, только через площадь рукой подать и вот уже бульвар, а там и мой дом. Конечно, я иду туда, и это восхитительно и очень хорошо.

Ночь разливается по улице, она заполняет и глотает последних людей, чтобы растворить их, распылить мраком до следующего утра. Усыпленные, они минуют ночь, и лишь рассвет возвратит их к жизни, мечтам и самооценке. Все, ради чего мы есть, станет актуальным утром. А пока все, все угасает, угасаю и я сам, чтобы привычно проснуться. И я, кажется, довольно счастлив, и все в жизни обычно и правильно, просто нужно пробовать уметь жить. Это сложно, но я пытаюсь. Скоро непременно настанет новый вторник, или иной день, но будет вечер, будет дождь, не будет лишних людей, но буду я.

Как старые мастера

Я совершенно случайно окончил художественное училище, не умея толком рисовать, как и не умея ничего вообще. Так уж вышло, четыре года обучения прошли не совсем впустую, и я немного, да наловчился рисовать натюрморты с яблоками, собак, закат и даже портреты в пол оборота. Впрочем, последний пункт вызывал существенные споры относительно моего навыка, и мой наставник наблюдательно твердил, что рисую-то я в общем неплохо, и портреты как живые, да только кого бы не изображал, а все Ленин выходит. Проблема сохранялась, даже если рисую женщин и либералов. И сам не знаю, откуда во мне эта тяга к вождю, наверное, в душе я революционер, но видимо не состоялся.

Училище наше недавно закрылось, выпускников новых давно не случалось, а те, кто был – сбежали по другим профессиям, от продавцов до бизнесменов, один я рисую да рисую, так и попал на почетное место художника в кинотеатр – афиши рисовать. Редкий в своем роде шанс выпал после того, как помер бывший художник дядя Саша с говорящей фамилией Саврасов. Моя фамилия вообще-то тоже Васнецов, но талантливее это меня не делает, а вот дядя Саша был мастером, но если бы не слабый характер и водочка, мог бы стать современным Крамским или на худой конец Пикассо, но был тем, кем теперь стал я.

Три года я рисовал афиши, то киногероев, то кинозлодеев, а то и натуральную Годзиллу наваять сумел, – во истину, она народ по улицам пугала. Одним словом, в профессии я обретал умение, кто-то стал даже уважать, и вот делом случая вызвали меня в городскую администрацию по одному обстоятельству...

Поступил областной указ, что от каждого района нужно нарисовать картину на историческую тему. Конкурс серьезный, губернатор его затеял для каких-то смыслов, и отказать нельзя. Так вышло, что в нашем городе кроме меня рисовать никто особенно не умел: либо виду не подавал, а потому хочешь не хочешь, поставили мне задачу – рисуй историческую картину как хочешь, но только чтобы не было похоже на Годзиллу, пусть уж хотя бы на Ленина смахивало. Дальше – выставка в областном центре, и подвести город никакой возможности не предоставляется. Для пущего антуража, на выставке еще картины и старых мастеров выставят, хоть и реплики, а все же народ, голодный до культуры, должен будет прийти и вывод сделать, что сравнение если и в пользу почивших творцов, то незначительное.

Эка задача выпала. Я должен иметь успех на грядущей выставке, но кого сейчас чем удивишь, а сравнить себя с мастерами прошлого как-то даже пошло. Да, им, наверное, повезло жить в тот или иной период, или быть рядом с личностями историческими или просто популярными, а мне нет. Им то что? Куда не глянь – история кругом. Хочешь не хочешь,

а она сама да и нарисуеться, а у нас что? В моем городе самая популярная личность – это местный товарищ, который продает стройматериал дешевле, чем где-либо, и все у него закупаются. Но кому он интересен в пределах мира и истории? Какие уж тут шедевры. Про исторические события молчу вообще. Хотя говорят, что бывал тут один раз проездом министр, футболист, а лет 700 назад князь где-то в этом районе шатер ставил на ночь.

Выбора нет, и вижу лишь один выход – нагло подражать мастерам в их художественных постановках, копировать и получать заслуженную похвалу. Пусть не за новизну, но за усвоенные уроки.

Взял в библиотеке альбом с картинами известных художников, и все изучал, изучал, да сам пробовал, а что нарисую, то все одно получается, знакомое уже всем. Один раз, правда, Кинг-Конг ненароком вышел, хотя задумывал соседа изобразить. Холстов перевел – немерено, старые брал, закрашивал, поверх рисовал, снова закрашивал. Афиши все перемазал, слои краски такие – хоть гвозди вбивай, а все результата нет. Не идут шедевры. С черным квадратом хотел подаваться уж, но и тот вышел плоский и скучный – закрасил.

Быть как старые мастера я так и не смог – человек другой, и время другое, современное, потому поступил как мастер новый. Пришел на выставку, достал холст, на нем ничего, пусто. Настолько пусто, что белый весь, ну, совсем новый,

даже ценник не отлепил. Смотрит народ, сомневается. А я говорю, что это новое искусство и новая история, а вы, говорю, темные люди и искусство современное не понимаете, все вам, невеждам, старое подавай, а вы, толкую, увидите в чистом листе смысл и сразу все постигните.

Не постигли.

С выставки меня с позором изгнали, холст отобрали, а потом по велению городской администрации и из кинотеатра изгнали. Расписываю теперь на досуге ложки и заборы, а в кинотеатре теперь идут самые скучные фильмы.

Дом культуры

Небольшое здание, стоящее чуть в стороне от района, который можно было бы назвать центром города, никак не привлекало к себе внимание. Обычный, непримечательный дом, постройки начала XX века, высотой всего в четыре этажа, притаился позади гораздо более симпатичных и разнообразных по фасаду домов. Пожалуй, даже никто из жильцов не мог бы рассказать ничего особенного о своем доме, состоявшем сплошь из коммунальных квартир. И сравнительно новые обитатели из числа квартирантов и матерые старожилы проживали свою обычную жизнь, зная о доме только адрес, как он выглядит, как давно ему нужен ремонт и как его раздражают те или иные жильцы. Только один человек, которого звали Владимир Есенкин как-то удачно подметил, что это не просто дом с жильцами, а настоящееместилище культуры во всех ее проявлениях. «Культура всего», как говорил он сам, и выделял в доме группы людей: художников, музыкантов, артистов, скульпторов, писателей, и они уже в свою очередь делись на старых и молодых; приличных, пограничных и маргинальных; новаторов и консерваторов; тихих и буйных. Их словно манило сюда, за многие годы укомплектовав в одном здании целый набор людей с уникальными характеристиками. Владимир стал смотреть на окружающее его общество как на бестиарий, как бы совестно ему

становилось от подобных сопоставлений. Тем не менее, преодолевая первые признаки неловкости, он однажды набрался сил и стал вести заметки, почти переходившие в исследовательскую работу о жителях «Дома имени „Культуры всего“». Вменяемых целей и причин для написания данного трактата не существовало, впрочем, временно безработный Владимир не обременял себя поиском особых смыслов и с радостью и редким для него энтузиазмом горячо принялся записывать свои наблюдения, плавно перешедшие то ли в книгу, то ли в записки сумасшедшего.

Первыми, с кого начал свои труды Владимир, были конечно же его соседи по коммуналке, то ли семья, то ли просто жившие вместе Егор и Катя. Люди не то чтобы и старые, но и давно не молодые, им было что-то около сорока-сорока пяти лет, а их бурная молодость пришлась на вторую половину восьмидесятых и с тех пор как будто и не кончилась. В те годы они оказались в ленинградской рок-тусовке или рядом с ней, да так в том времени и состоянии словно и замерли. Возраст не менял их никоим образом, разве что внешне, а добавки из алкоголя и прочих отрав делали свое дело, старательно состаривая не берегущие себя организмы.

Егор и Катя часто, можно сказать все время, вспоминали прошлое, те самые годы юности, проецируя их на настоящее и старясь найти его отражение даже сегодня. Они часто вспоминали какие-то «те самые посиделки, концерты и кухни», «тех самых людей» и «ту самую музыку». Особое вни-

мание они уделяли реликвиям прошлого, а потому их квартира немного походила на не самый популярный музей, однако в нем можно было отыскать отголоски «той самой эпохи», которую они хранили в своем сердце, душе и сознании.

Они очень гордились знакомством, а то и даже как будто бы дружбой с неким Семой, он же Стяг. Этот Стяг в их кругу считался легендарной личностью и такой статус ему придавал не только образ жизни, взгляд на вещи и творчество, но в том числе то, что он якобы был вхож в круг легенд Ленинградского рок-клуба, а если точнее, раз или два пил с Науменко и как будто бы даже жал руку Цюю. В довесок к его образу почти грузом ложилось творчество, как будто такое высокое (ведь он пел о настоящих вещах, о жизни), да насколько хорошее, что никто не понимал о чем, но зато и ценили: за глубину и недостижимость. Из контекста рассказов всегда было сложно понять, жив Стяг или нет, что придавало его личности еще больше легендарности. Владимир очень мечтал, что однажды к ним в гости придет этот Стяг и он почерпнет от него новую модель для своей коллекции осколков культуры, но эта таинственная фигура никак не появлялась и не позволяла дополнить собой хитрый пазл, так и оставаясь химерой, воспетой двумя романтиками из соседней комнаты.

В противовес Егору и Кате этажом выше жил Олег – человек примерно их возраста, но взглядов на музыку еще более глубинных, в плане времени ее создания. И если для пер-

вой пары «истинная» музыка кончалась примерно в начале девяностых, то для Олега все было кончено еще в начале восьмидесятых, причем строго за рубежом. Он не признавал ничего, кроме древних хитов Pink Floyd, Led Zeppelin, The Beatles, The Rolling Stones и групп ровесников из числа рок музыки. Такое творчество Олег почитал шедевром, из-за чего не редко вступал в конфронтацию с Егором и Катей, кричавших по вечерам под гитару песни своей молодости. Взаимные упреки касались самых разных вопросов, но ценители отечественной музыки нещадно критиковали Олега за приверженность западу, в лоб сообщая, что только на русском языке и никаком ином может быть настоящая лирика. Олег в свою очередь обвинял их в не просветленности и не способности понять английский язык, сообщая, что на русском «только частушки и сочинять», а те называли Олега просто козлом.

Еще глубже в музыкальных пристрастиях находилась Татьяна Леонидовна Крылова, проживающая на четвёртом этаже и признающая музыкой исключительно классику и самые поздние авторы, которых она вообще почитала за людей, это Чайковский и Григ, и лишь Шостакович последним оплотом и в виде исключения приходился на середину XX века и мог звучать дома у Крыловой по праздникам. Татьяна Леонидовна одновременно презирала музыкальные пристрастия Олега и Егора с Катей, но если музыкальный выбор первого считала просто безвкусным, то предпочтения последних она

не могла даже описать так, чтобы у нее не подскакивало давление. В целом Татьяна Леонидовна любила эстетствовать, увлекаясь не только музыкой, но еще литературой и живописью. Чем старше текст и полотно, тем более уважаемыми в ее глазах они представляли. Отдельной критики удостоивались все, кто не мог в силу недостатка опыта или интереса отличить, скажем, Моне от Мане. Она часто и настойчиво предлагала местному электрику, приходившему чинить ей розетки, наконец запомнить кто есть кто, но электрик лишь чесал затылок и вежливо отнекивался, смущаясь замечаний о своей глупости. Впрочем, в глубине души у него зрело предложение, что в этом доме не только Татьяна Леонидовна, но и вообще никто не отличит, например, ноль от фазы, но таких задач он не перед кем не ставил, считая, что это будет некультурно.

Две пары молодых художников и музыкантов, Вася и Ира, Сергей и Таня – люди абсолютной контркультуры и сторонники отказа от прошлого в угоду чему-то непостижимому. Они хотели быть своего рода авангардистами, но только одни писали весьма странные работы еще более странными способами, а другие сочиняли специфическую музыку, зачитывая под нее еще более странные тексты, на до боли знакомые десяткам поколений подростков темы, но отчего-то считавшиеся оригинальными и отменяющими все «застарелое». Они жаждали революции искусства, верили, что распалят ее, однако отказ от образования и изучения даже таких ве-

щей, что знали Егор и Катя сказывались несколько негативно и их пост-мета-контр-культура становилась чем-то крайне сомнительным с точки зрения ценности и революционности. Что и говорить, в поле зрения Татьяны Леонидовны эти молодые люди не попадали как любые насекомые, о критике речь идти просто не могла, ведь как она, энтомолог, будет критиковать тех кому еще только предстоит пройти эволюцию. Однажды Владимир пытался вступить с ними в контакт, планируя начать свой путь паломника в культурные явления дома как бы с самого верха, с людей, стоявших выше текущего дня, но дело не пошло, ведь во первых он не понимал часть сленга, на котором они говорили, а после суждения, что «вы молодежь совершенно не умеете смотреть широко на искусство» был послан в далекие дали, с использованием понятной, проверенной временем лексики.

Попытка зайти снизу, потормошив Татьяну Леонидовну кончилась сложной и витиеватой лекцией на тему о том, что все пропало, искусство умерло, культура умерла, театры, музея, творцы – все сгинуло и останется только что и думать о прошлом. Есенькин в конце концов не сдюжил этот разговор, получил упрек в том, что он темный человек и после этого как-то невольно вступил в первый тесный контакт с Егором и Катей. Так уж вышло, что свое исследование придется проводить не линейно, но впрочем, почему бы и нет. В конце концов, в доме еще хватало народа о которых здесь ни сказано ни слова, а потому можно было и перетасовать

эти карты, действуя в произвольном порядке, а после все собрать воедино.

Основательно затарившись водкой и портвейном, как оказалось, следуя некоему канону и традиции, Егор позвал на разговор Есенькина и философски отметил, что «ощущение ушедшего времени легко понять по воспоминаниям» и принялся предаваться воспоминаниям и под это дело наливал и наливал. Ослабев, Есенькин пытался задавать все более острые и неудобные вопросы, но у него не получалось вести с ними долгие разговоры, так как по их мнению все искусство и музыка умерли как раз в районе краха Союза, а дальше, мол, все стало только за деньги, а это, стало быть, не может быть искусством, а значит его нет и не будет и было оно только в то короткое окошко длиной буквально в десяток лет.

Дело кончилось довольно скоро и плачевно. В разгар беседы Владимир все смелее подвергал критике доводы Егора и Кати, чем все больше приводил их в возбужденное состояние. Когда прозвучал его финальный упрек, что «все это чушь, а вашего друга Стяга вообще не существует», Егор озверел и сперва схватил гитару, но после бережно отложил ее и огрел неопытного Владимира по голове бутылкой от портвейна, посвящая его в свои персональные традиции.

Очнулся Есенькин в своей комнате, куда его отнес пришедший на вызов сантехник, человек грубый и редко изъясняющийся без мата или похабных шуток. Тем не менее,

несмотря на свою внешнюю оболочку он любезно подобрал Владимира в коридоре, отнес в квартиру, облил водой, чтобы тот очнулся, а после пронзительно заметил, что Владимиру еще повезло выпивать в компании с такими экспрессивными персонами, как Егор и Катя, ведь вся их буйная культурная энергия перетекла лишь в бесхитростную первобытную страсть осадить оппонента чем-то тяжелым по голове. «А были бы люди приличные, так просто бы отравили вас цианидом и дело с концом» — заметил в конце монолога сантехник, ругнулся и пошел чистить унитаз, который в доме «культуры всего» опять кто-то забил каким-то твердым мусором, и исписал перед этим стены нехорошими словами.

Рисунок на доске

То ли с тоской, то ли с ностальгией, вспоминаю я бесконечно далекое время, когда мог делать что-то хорошее. Прошлое оно тем и интересно, что можешь о нем лишь вспоминать, но никакой силой уже не изменить его. А оно и не нужно в большинстве своем. Если в молодости не вел асоциальный, криминальный и в целом безобразный образ жизни, то стесняться нечего – прошел жизнь как положено, ну, или как смог. Пережитый опыт полезен, он сделал тебя тем, кто ты есть. Большинство скажет, что ни о чем не жалеет. Скажу так и я, и лишь иногда вспоминаю то далекое время, и пронизывает меня тоска. Ах, прошлое часто навеивает тоску и как бы тяжело не приходилось в тот или иной период времени, вспоминать его будешь уже без злобы. Это как трудиться целый день, а вечером сходить в душ, славно отужинать и обнять любимую жену; все трудности дня забываются, и ты лишь говоришь себе: «а славно же я сегодня поработал». Я могу сказать почти то же самое.

В ту пору я работал учителем в школе, но еще прежде карьера моя началась в стенах университета. Я окончил это сомнительное провинциальное заведение, штампующее средних педагогов, там же остался работать. Однако не сложилось у меня в одном «храме науки» и пришлось сойти на ступень ниже и перейти в самую обычную школу. Причиной то-

му не моя лень или нежелание учить бестолковых студентов, вовсе нет, причины иные. Оказалось очень трудно ужиться с составом самовлюбленных преподавателей, престарелых профессоров и амбициозных доцентов. Да и терпеть странные порядки, традиции и чуть ли не обряды тоже не было никаких сил. За все время, проведенное на посту преподавателя, я понял лишь то, что мой университет представляет собой оплот лицемерия и снобизма, половина преподавателей неведомо что там делали и зачем существовали как люди. Почти все пытались строить из себя культурных и умных, но часто оно бывало ровно наоборот. Как оказалось, маска интеллигенции не делает тебя интеллигентом.

Итак, спустя четыре года работы я вообще понял, что преподавание – не мое. Все мечтал изменить что-то в жизни, сменить работу, профессию, город, все что угодно. Не сменил ничего. Даже свитера носил по 15 лет, не то что какая-то там работа. Ровно 4 года работы в университете и вот я в школе. Эволюция это не про меня, как выяснилось. В сфере образования я упал на ступень ниже, не сильно, правда, этому расстроившись. Нельзя не сказать спасибо моим родителям за то, что помогли устроиться в школу. Всяческие попытки к бегству в «поиски новой жизни» в новом месте они принимали в штыки. Отговаривали меня, как могли, убеждали, что я не серьезен, спрашивали, кто же будет жить тут, в этом доме, когда мы умрем (вообще они часто любили себя хоронить, а сами живут до сих пор), и так далее. Роди-

тельский инстинкт сохранения своего детеныша способствовал тому, что птенец из меня не удался и из гнезда я толком не вылетел, разве что вывалился в 32 года, когда, наконец, женился и родители моей невесты подарили нам однокомнатную квартиру, в которой недавно скончалась двоюродная тетка моей жены. Удачно женился, можно подумать. Можно и так подумать. После я и сам смог внести некоторый вклад в финансовое положение семьи, но дело не в деньгах, нет. На самом деле мы подходили друг другу: чудаковатые оба, в жизни не ушли далеко, мы лишь жили и копили с годами мудрость и проницательность, учась строго на своих ошибках, чтобы защитить уже наших детей, от судебных, что выпали нам с женой.

Но прежде, чем все это произошло, я работал в школе уже не мало лет. Надо сказать, в школе мне понравилось гораздо больше, чем в университете. Отношения между коллегами, в первую очередь, стали основным фактором моей удовлетворенности и столь комфортное место так и заставило меня осесть здесь навсегда. Да, в школе учителя больше похожи на семью, нежели их «старшие братья» из университетов. Коллектив неплохой, контрастный (в смысле характеров, возрастов и интересов). Быстро прошла адаптация, знакомство и прочие прелюдии, вот уже спустя пару месяцев я стал «своим», спустя год «совсем своим». А дальше жизнь помчалась в невероятном вихре и незаметно текли годы, все слишком уж спокойно, одинаково и образцово. Коллектив

время от времени пополнялся новым учителем, а кто-нибудь из старых уходил на отдых, иногда со скандалом, к сожалению. Очень уж цеплялись учителя за свое рабочее место, до упора отказываясь покидать его, даже старые люди, частично выжившие из ума, активнее молодых жаждали ходить в школу. На этой почве даже произошел печальный случай. Одна бабушка, в возрасте 84 лет вела в школе физику. Ну, как вела, она-то уже с трудом понимала куда приходит и зачем, но рабочее место посещала исправно изо дня в день, не пропуская ни единой минуты очередного урока. За полнейшую непригодность и неспособность обучать ее все же уволили, взяв на место старушки нового учителя, мужчину средних лет, очень замкнутого и угрюмого. Но печален это случай не по причине угрюмости нового учителя, а по той причине, что бабушка эта умерла через два дня после увольнения. Но школа слишком динамична, чтобы вечно переживать это и случай быстро ушел в историю, а потом и в легенду. Гораздо больше хлопот нам, учителям и работникам школы, доставляли ученики. Вот здесь существовала целая россыпь мальчиков и девочек, способных самым невероятным образом нарушить покой и тишину заодно с порядком.

Мне выпадало вести уроки в классах с пятого по одиннадцатый. Вел я математику и геометрию, и порой в самых жутких и непослушных классах. Конечно, к тому моменту, о котором я хочу поведать, мне исполнилось уже 42 года, и в школе я слыл строгим и серьезным учителем, меня по-

баивались, уважали и не всегда любили. Не все. К тому времени, каких только классов и учеников я не видал, трудно удивить матерого учителя чем-либо, но этот класс меня заинтриговал (вернее я так думал всего лишь из-за одного ученика в этом классе).

Так случилось, что уже на выпускной год мне достался одиннадцатый класс, единственный в школе. Прежде их поучала математике моя коллега, учительница на 7 лет младше меня. Увы, ей пришлось покинуть школу по причине беременности (она ждала второго ребенка) и все математические и геометрические вопросы школы упали на мои, хоть и крепкие, но уже порядком загруженные плечи. Так продолжалось не долго, на место ушедшей в декретный отпуск взяли временного учителя, молодую девушку после университета. Преимущественно ей поручили средние классы, мне же оставили самых старых учеников этой школы, ведь я один мог усмирить их пыл и ярое стремление не учиться. Ненависть к учебе была нормальным состоянием едва ли не всех школьников и мои подопечные выпускники не исключение. Чувство лени, юношеская энергия и прочая чушь не давала им спокойно учиться. Не всем, правда. В любом случае могут быть исключения, вопрос в том, что их сложно заметить.

К ученикам я относился без предвзятости, чем порой удивлял коллег и самих учеников. За полнейшую безалаберность и отсутствие надобных знаний, вкупе с хромающей дисциплиной, я с вдохновением ставил двойки отличникам,

и с тем же чувством, но холодным внешним спокойствием ставил пятерки двоечникам, если они того честно заслуживали. На моих уроках дети вели себя довольно прилично. Иногда я позволял себе уходить от математических тем, к истории и философии, упоминая имена Пифагора, Лейбница, Декарта и прочих важных личностей. Мог дать ученикам тот или иной важный совет, в любом случае уроки мои не являлись рутинной, для меня же в первую очередь. Тем не менее, я знал, что далеко не всем ученикам я мил. Меня это несколько не заботило.

Но что до истории. Четвертым уроком в тот день у меня стоял как раз одиннадцатый класса, у них выпадало два занятия, четвертый и пятый уроки, и на тот день была запланирована контрольная. Ученики были в курсе еще за две недели, потому часть из них сегодня не пришли, придумывая себе ложные поводы, наподобие внезапно развившейся болезни. И все же народа в классе хватало и помимо тех, кто обычно имел привычку не являться на контрольные работы, поэтому я не собирался ничего переносить или отменять.

Итак, контрольная, а между третьим и четвертым уроком есть большая перемена. Эта большая перемена была ознаменована тем, что всех учителей с какой-то пустяковой целью собирали в учительской. Меня это не особо радовало, ведь намечалась контрольная, а мне предстояло еще расписывать на доске два варианта заданий. Не то что бы это делать очень долго, но часть урока придется занять под написание зада-

ний. Я не сомневался, что собрание это продлится не менее чем вся большая перемена и с неохотой шел на него.

Неохота моя обусловлена еще и тем, что аллергично я не любил видеть нашего директора, по обычаю присутствующего на подобных встречах. Человек этот мне крайне неприятен своим, в первую очередь, не профессионализмом и заодно скверным характером. Люди такие рождаются раз на миллион, наверное, и вот он попался мне, да еще в роли директора. В нашей школе сменили руководство полтора года назад, в прошлом руководил здесь другой человек. То был самый настоящий директор, школу умудрялся держать в твердом кулаке, да и как человек хороший. Но у мужчин здоровье не самая сильная сторона и по этой самой причине на его место пришел новый директор. Одно то, что он пришел уже в преклонном возрасте, около 60 лет удивляло всех. Уж не знаю, как попал он на это рабочее место, очевидно по знакомству или еще каким чудом, но теперь школой управлял полнейший бездарь, с образованием далеким от педагогики и любой науки, однако считавший себя ученым, неясно в какой дисциплине. В действительности любил наш новый директор употреблять алкоголь в чудовищных масштабах, а иначе говоря, постоянно пил, что очень выразительно проявляла его внешность. Не зависимо от обстоятельств он вел себя надменно и важно, обвинял всех в непрофессионализме, безалаберности и хаотичности (!) на работе, обличал всех женщин в блуде, а мужчин в пьянстве, да-

же тех, кому диагностировали рак, и он уже не мог пить по состоянию здоровья; обещал всех разогнать, а школу, каким-то образом, закрыть. На деле ничего не делал, школой формально управлял завуч с парой старых учителей, особенно когда новый директор уходил в запой.

У дверей в учительскую я как раз встретил директора. Вот так встреча! Мы поздоровались, он пожал мне руку (этой традицией он не брезговал) и завел лишнюю беседу. Говорить с ним не было ни желания, ни умения (с такими людьми на самом деле нужно уметь говорить). Манера общения меня поражала, это столь надменный и уверенный в себе человек, что даже когда он лгал, а делал он это часто, он искренне врал себе сам. Запросто он мог подарить собственному внуку пару монет, а сделать вид и поверить самому себе, что выдал в распоряжение целое состояние, спустя год еще спросить за эту сумму.

Недолгую беседу прервал проходившая коллега – симпатичная женщиной, со странным характером. В общении с коллегами она предельно проста и любезна, но я знал, что на уроках она срывала горло от криков на учеников, а глаза ее заливались ненавистью и злобой при малейшей ошибке любого ученика. Дети ее не любили и крестились перед входом в кабинет, однако года три назад мэр города даже чем-то ее наградил.

Учительская собрала всех учителей. Я встал с краю рядом с моим другом, учителем химии. Это мужчина пятидесяти

лет, не высокого роста, с усами, очень веселый и умный человек. Его сатирические высказывания меня всегда радовали и ободряли. Рядом с нами устроилась учительница русского языка и литературы. Еще одна умная женщина, имела научную степень, в беседах с нею всегда можно найти отдушину, и оценить восхитительное чувство юмора. Это была одна из тех, кто ставила оценки строго за знания, а не за статус ученика или его родителей. Наша троица преминула возможностью сесть на стулья, и слушали мы стоя.

Как обычно, ничего особенного сегодня сказано не было, как всегда, речь шла о планах, задачах, целях и прочее. Директор произносил унылые речи, никого не интересующие и не способные побудить к действию. Нудное мероприятие под конец перешло к обсуждению выпускного класса. К тому времени директор уже покинул помещение, видимо наскучили ему разговоры с подчиненными, ведь и относился он к ним с пренебрежением. Без «наставника» и дышать стало легче. И разговор слегка оживился. Выпускные классы всегда бурно и много обсуждают, ведь это лицо школы каждого очередного года, а в нашем скромном городке выпуск школы это вовсе масштабное событие, ведь больше ничего не происходит. Сами ученики и представить не могут, сколько внимания к ним приковано в стенах школы, откуда им так не терпится сбежать. В учительской остались лишь те учителя, кто вел уроки в одиннадцатом классе. Мой друг химик и та прекрасная женщина, что вела русский и литературу

ушли, пожелав мне сил, так как в выпускном классе не вели ничего.

– Держись, дружище! Сейчас будет самая заговорщицкая часть беседы, – сказал мне друг, похлопывая по плечу, и тут же удалился, выискивая в переднем кармане рубашки сигарету.

Он знал, о чем говорил, ведь следующая беседа действительно походила на заговор. И это был далеко не первый такой разговор.

По плану школа хотела выпустит пять медалистов. Трое из них должны иметь золотую медаль и двое серебряную. Хотя медали эти давно уже висели на волоске, так как горе-медалистов тянули за уши уже года два или три, всячески не давая им опускаться ниже той или иной планки. Мне это не нравилось, так как сами медалисты давно это заметили и откровенно стали сдавать позиции и совсем забрасывать учебу, зная, что школе нужны показатели. Конечно, так делали не все и не так уж рьяно, однако двое из пятерых обнаглели в край, и будь моя воля, я бы им вообще сплошных троек понаставил, а иным – двоек. Трое остальных хоть и пытались что-то еще делать, но не слишком усердно, все сильнее поддаваясь давлению класса бунтующих подростков (это я понимал) и клонились к легкому поклонению глупости, и это я знал. Мне их жалко. Знания имелись у них, да не было стержня. Трудно сказать, как справедливее поступить с ними.

Чем больше хороших учеников для школы, тем лучше. Но нужны и отстающие – иначе никак. Не могут все быть отличники да хорошисты, как минимум пять-семь троечников надо достать. Такая странная статистика задавала тон всем школам нашего городка, и план ежегодно выполнялся, иногда еще и перевыполнялся.

Сейчас как раз получался конец учебного года, решались многие оценки. Примерная картина вырисовывалась хорошо: пять медалистов, шесть троечников и пятнадцать хорошистов. Меня все устраивало. По моим предметам все имели те оценки, что заслуживали. Я мог сегодня «сбросить» еще двух медалистов, но не сделал бы этого.

Классный журнал выпускников находился тогда в учительской и его активно листали, просматривая у кого какие оценки и по каким предметам. Перелистывая очередную страницу завуч хвалил того или иного учителя, за то, что оценки такие, какие должны быть. Отдельной похвалы удостоивались учителя физики, биологии, физкультуры, ОБЖ, обществознания и иностранного языка за самые «лучшие оценки». Все шло по плану, пока не до листали до алгебры и геометрии.

В мой адрес посыпались весьма деликатные вопросы, даже в шуточной форме спрашивали чего же я так недолюбливаю тех или иных учеников, но ставлю хорошие оценки тем, кто «явно» послабее в знаниях.

Не желая конфликтов и взаимных обид из-за оценок

у школьников, я культурно и вежливо пояснил, что те ученики, кто «послабее», в моих предметах «явно» превосходят в знаниях и усердии, как минимум, тех, кто потенциально должен бы учиться хорошо, раз претендует на медаль или просто хороший аттестат.

– Ой, ну да ладно уже Вам, будете так говорить, – шутливо отвечали мне.

– В самом деле, не ставить же мне оценки за красивые глаза? – возражал я.

– Но другим-то ставите.

– С чего вы решили? Те, другие, знают мои предметы.

– Ну, так уж прямо все? А вот Анна, пожалуйста, не думаю, что она такая уж хорошая ученица, да и в большинстве предметов у нее явно трудности. Все-таки неблагополучная семья...

– Не могу сказать что там в большинстве, но алгебру, и особенно геометрию она прекрасно понимает. Плюс ее поведение мне очень нравится: молчаливая, тихая и внимательная. Она лучшая в классе.

Повисла неловкая тишина и все делали вид, что пишут, читают что-то или думаю, разговор никто не складывался.

– Ну, Бог с ней, хотя к вопросу этой ученицы стоит еще вернуться. Но зачем же Вы так нещадно ставите тройки и даже двойки, пусть и карандашом, нашим двум медалистам?

– Пока они еще не медалисты и права своего не подтвердили так именоваться. Оценки ставлю те, что заслуживают,

поведение же одного из них и вовсе следует назвать скверным и неуважительным.

– Безобразие какое-то! – завопил завуч по воспитательной работе. – Я, конечно, все понимаю, но где ваша мораль, как может Вы так безбожно топить умных учеников? Мне не ясно Ваша позиция и позвольте....

– Простите, что перебиваю, но повторяюсь, все имеют те оценки, что заслуживают.

– Я считаю, что столько троек по Вашим предметам не допустимо, – выступил один из старых учителей, которого я взаимно не любил.

– Столько троек и не будет. Я не изверг и мне эти оценки поперек горла не станут. Я помогу многим, кто действительно должен иметь нормальную оценку. Можно не понимать тот или иной предмет, и в этом нет вины, но хотя бы стараться, хотя бы делать вид, и как минимум адекватно себя вести. Вы думаете, я не знаю, что некоторые из класса (те, за кого вы так ответственно просите) – дети местных начальничков, присосавших к бюджету? Я знаю, но это не дает им право так себя вести. Сами они никто, кто бы ни были их родители, а чтобы стать кем-то, нужно прилагать силы. Будет слишком плохо, если все будет доставаться им просто так.

В учительской повисла неловкая тишина. Все старались сделать вид, будто ничего не слышали и вообще не причастны к моим словам.

– Как так можно говорить? Святые же люди, школе краску

для спортзала подарили, – разводила руками завуч.

В этот момент я чувствовал, как некоторые учителя мысленно меня поддерживают, но чувствовал и недовольство, злобу, страх со стороны иных, а особенно руководства школы.

– И что же вы намерены делать? – прозвучал последний ехидный, осторожный вопрос.

– Я? Ничего не намерен, вопрос в том, что намерены делать те, кому «светит» трояк, а они не спешат шевелиться, чтобы его исправить. И вот это вопрос.

Речь моя получилась тогда на удивление дерзкая и жесткая, я и сам не ожидал. Не знаю уж, чего я тогда был так категоричен в словах, ведь и настроение поддерживалось неплохое и день солнечный, хороший; в семье все в порядке; да и не свойственно мне вообще так спорить с коллегами, больше всего я любил в спорах молчать. Но уж и не знаю, накипело что-то. Наверное, еще то, что началось в университете и закончилось в школе. Может коллеги меня и сочли злым и нетактичным учителем, но это не правда, я всегда шел на встречу ученикам, но не всегда они шли навстречу мне. И теперь, как и обещал, я подтяну тех учеников, кто старается, кто хочет получить знания или просто оценку в аттестат. По алгебре и геометрии троек может быть в итоге меньше, чем по остальным предметам, просто на меня натягивают образ чудовища. Даже если эти бездари псевдо-медалисты возьмутся за учебу, хоть как-то, я помогу и им.

Уже уходя из учительской, за пару минут до звонка на урок, меня остановил завуч, а рядом стоял директор, откуда-то и он появился. Наверное, ему скоренько сообщили о состоявшейся беседе, и ему не терпелось внести свою лепту, свое мнение (вечно он с ним лез, куда не попадая). Его заботила репутация школы, как своя собственная, в городских управленческих слоях.

– А что люди скажут? – первое, что он у меня спросил.

Речь шла все о тех же престижных учениках. Прогресса в беседе не замечено, мы топтались на месте и говорили об одном и том же. В тот момент, я начал ощущать, что друг друга мы не понимаем напрочь. Я говорил о знаниях, стараниях и прочем, мне же твердили о статистике оценок и уважаемых людях.

– Если уж тебе так не терпится понаставить троек поставь их кому-нибудь другому, – бросился словом директор.

«Ах, вот они как меня поняли, решили, что мне не принципиально кому ставить оценки, лишь бы просто от нечего делать наставить троек, а уж кому – не важно. Вот ведь глупость какая». Тогда, правда, я не сразу это сообразил, так как уморился от бессмысленных бесед. Мысль дошла чуть позже, как бы задним умом.

– Что ты все тянешь эту Анну? Она же посредственный ученик, вот ей тройку и влепи. Мамаша у нее нищая...

– Да что вы все к ней пристали? Она хороший ученик. Она знает мои предметы и точка, – грубовато закончил я.

На этом беседа прекратилась.

– Вот наглюга..., – услышал я уже в спину из уст директора.

Я не могу сказать почему, точнее тогда не совсем понимал, почему многие учителя так цепляются к этой бедной девочке Анне. Она самая тихая и спокойная ученица, скромное дитя и знания у нее прекрасные, но их не давали раскрыть уже очень давно.

Пока закончились все эти разговоры, прозвенел звонок на урок. Сейчас уже точно не помню, но скорее всего я тогда быстро шагал и постоянно глядел на часы, как делаю всегда, когда спешу. Как назло, кабинет, где меня дожидались ученики, располагался аж на четвертом этаже, а я поднимался с первого. Не такой уж и молодой я, с непривычки запыхался, и на четвертом этаже напала на меня жуткая одышка. Не мог же я в таком состоянии идти в класс, не очень-то хотелось, чтобы ученики видели меня с трудом дышащего. Пришлось остановиться на лестнице на пару минут. Снова сверяя время по часам, я негодовал, ведь в сумме потеряно минут 5, плюс пока напишу задания к контрольной на доске уйдет еще минут 5—7 итого почти половина одного урока пройдет.

«Школьники знают это, небось, радуются, паразиты» – такие мысли меня тогда посещали. Но отменять контрольную я не собирался, решил лишь сократить количество заданий на одно. Впереди еще один урок и перемена, по желанию

можно будет и на ней выполнять решения или пытаться списать, если кто умеет, а умеют не многие, это я знал, учителю всегда все видно.

Контрольная могла решить судьбу итоговых оценок в четверть для половины учеников, ответственность большая, хотя можно подумать, что мне дела нет до учеников и их оценок, но это не так. Я не хотел видеть у них плохие оценки, не хотел стать злым гением для их аттестата. Ответственность лежала и на мне, ведь оценки – это еще и показатель их готовности, то чему я смог их научить. Хотя и ругал я ленивых медалистов, но даже их топить не собирался, в глубине души питая к ним чувство жалости.

Тогда я вспомнил об этой ученице, Анне, которую многие недолюбливали. Причины такой дискриминации мне не известны. Спокойная, замкнутая, неприметная девочка, что же на нее взъелись все так? Они из неполной семьи, живет без отца, мать зарабатывает мало, а еще и младшая сестра «висит» на матери. Но семейное положение никак не связано со школой и оценками. Многие придирались к ней, считая, что она странная, как не от мира сего, но я так не думал никогда. Геометрию она понимала лучше всех медалистов вместе взятых, но знания ее требовали раскрытия что ли.... Не каждый учитель способен понять и увидеть знания в ученике. Когда я отсутствовал, по причине болезни, мои предметы три недели у них замещали прочие учителя. Так оценки порой очень разнились с теми, что ставил я, зна-

ния оценивались иначе. Бедная Анна и вовсе превратилась чуть ли не в двоечницу. Критиковали ее и за почерк плохой, и за «странное мышление» и за плохие знания (хотя как такое могло быть). Я понимал, что у нее отбито желание к учебе как таковой, ведь по многим другим предметам она еле тянула на четверки, в основном имея три балла. Как по цепной реакции учителя ставят слабые оценки ученику или группе учеников, автоматически списывая их в «отстающих», мол, все равно у тебя тройки, одной больше, одной меньше, какая разница? Так и сейчас, бедная Анна, да еще пару учеников зачислены негласным решением в ряды троечников, и выбраться оттуда не имели возможности.

Размышлять и философствовать на эту тему вечно не было возможности, так как время поджимало. Я пошел к своему кабинету, но по пути встретил одну учительницу, перекинулся с ней парой слов, не помню уже о чем, но потерял еще примерно с минуту времени, и уже едва ли не бегом рванул к кабинету.

На секунду застыв, помню, меня смутило подозрительное молчание в классе. Обычно шумные школьники, сейчас не издавали ни звука, тишина поражала. Тогда я решил, что может, они всем классом сбежали с урока. Такое случалось не раз за время моей работы в университете, когда студенты сбегали, особенно с последних уроков. Но даже в школе порой ученики всем классом не ходили на тот или иной урок. Правда, за это им всегда здорово доставалось, и практикова-

ли они это редко. Предположить, что все ушли с итоговой контрольной просто безумно. С рук бы это ни сошло никому. Не заставляя себя долго ждать, я повернул ручку и вошел в класс.

В тишине, и как будто покорные, сидели ученики. На лицах застыло полное спокойствие и показное равнодушие к миру. Абсолютно синхронно встали они со своих мест, поприветствовав меня, таким образом, тут же сели обратно, выполняя все как по команде невидимого дирижера. И снова вопиющая тишина, и концентрация на каждой секунде происходящего. Добрых двадцать пар глаз уставлены на меня, у некоторых аж расширены зрачки, точно у котов на охоте. В воздухе висело чувство ожидания, словно все ждали события, предсказанного еще в Средние века. Что-то натворили, догадался я тогда.

Не пришлось долго думать о том, что же сделали эти паразиты, как я чисто машинально пошел к доске, чтобы начать писать задание. Не обратив сперва ни малейшего внимания на доску, в голове лишь мелькнула мысль о том, что она не стерта и мне сейчас придется самому стирать все тряпкой. Это вовсе не сложно, просто в душе накопилось что-то недоброе и такие мелочи раздражали в тот момент времени. Я взял сухую тряпку, крепко сжал ее в кулаке и повернулся, наконец, к доске. Размашистым движением я приготовился стирать все, что изображено на ней, и уже даже успел стереть маленькую часть в углу, как резко остановил-

ся. За секунду я успел окинуть взором всю площадь доски, и я заметил, что доска не просто не убрана, на ней рисунок, нарисованный мелом. На мгновение я замер, потом отошел на пару шагов назад, чтобы рассмотреть это художество. Передо мной развернулась целая панорама, представлявшая собой некую часть города, возможно вымышленного, видимо это улица, или даже закоулок, старой кирпичной постройки вдоль которой располагались не то магазины, не то кафе и всюду шныряли люди, вдали виднелся парк, полный деревьями, а нал густыми кронами торчала полусфера колеса обозрения. От картины веяло движением и энергией изображенной улицы, живого города, настоящей жизни; глядя на нее, я мысленно перенесся в изображение, в этот незамысловатый сюжет с четкими деталями, в то же время выполненными чудными штрихами. Сочеталась простота метода рисования и его гениальность. Я не такой уж ценителем искусства и особенно изобразительной его части, но этот шедевр на темно-зеленой доске белым мелом не мог не отметить.

Так вот чего они сидели как мыши, вот чего они ждали. Моя реакция была для них тем самым заветным миготом, чтобы я вынес вердикт этому творению. Поспорили, может? Возможно, они ждали, что я абсолютно безжалостно сотру его и даже не предам внимания тому, что там изображено, будь то хоть рисунок ожившего Микеланджело, ответ на тайны мироздания или задача с прошлого урока. А может они ждали, что я еще и начну допытывать у них, кто же это

сделал, с той целью, чтобы при всех, демонстративно отругать наглеца, посмеявшего осквернить доску перед такой важной контрольной, ведь доска вообще должна быть чистой, за это я иной раз и выговаривал (по настроению), особенно если знал, что доска измалевана специально перед уроком. Но вот, что удивляло меня тогда: находить доску в неубранном виде мне нет-нет, да приходилось, и помимо записей на ней, убогих рисунков уровня наскальной живописи и всяких графиков и формул, встречались даже неслабые матерные слова, а иногда еще и в рифму. Ладно, хоть не про учителей там писали, а все больше друг про друга, да так по мелочи. То есть, грязная доска считалась делом обыденным и никогда ученики особого внимания на моей реакции на это не заостряли, даже когда на доске красовались аккуратно выведенные буквы, складывающиеся в ругательства, а тут они словно ждали некоего всплеска, словно я взорвусь. Никак кто-то пустил слухок о моем строгом материализме и скепсису по отношению к творческим упражнениям.

В то же время, в классе знали о моем хорошем отношении к ученикам умным, старательным и просто тем, кто себя прилично ведет. Все знали, что особо я выделял среди всех Анну, сочетавшую в себе три почитаемых мною качества в учениках. Тогда, я едва лишь успел толком рассмотреть этот рисунок на доске, как из класса услышал ехидный выкрик, походивший на ябедничество: «А этот Анна нарисовала!».

«Анна?» — подумал я тогда про себя — «Как восхитительно она рисует... это же просто... невероятно, создать такое творение на доске, обычным белым мелом, единственным мелом и все! Я все больше понимаю, что она, возможно, гениальный человек, если не бросит это в себе раскрывать».

Выкрик из класса непременно указывал на то, кто именно это устроил и кого именно нужно наказать, или «приговорить» к показательному наказанию в виде немедленно-го стирания доски под всеобщее глаzenie или выставления за дверь. Я тогда не сделал этого, конечно же, я не сказал ничего. Я лишь посмотрел на класс, посмотрел на Анну, словно ясно увидел в ней искру, а может уже и пламя по истине гениального человека, того, кого можно назвать если не гением нашего времени, то хотя бы человеком, который должен оставить свой след в нашем времени, и след этот не отрицательный, но прогрессивный и влияющий на культуру, которую я не до конца понимаю, да и не особенно стремлюсь понимать.

Искусство вещь спорная. Не бывает хорошего или плохого искусства. Это то, что не поддается критериям. Но где сразу можно сделать выводы, а в итоге они могут быть ошибочными. Время проверяет искусство, время. Этот рисунок не мог сказать мне ничего подробного о человеке, что его создал, не мог сказать о будущем, но он мог убедить меня, что если дать время, рисунок на доске может «превратиться» в шедевр на долгие века.

Тогда я не стал никого ругать. Я не стал стирать рисунок с доски. Да, пожалел его, то искусство, что было предо мной. Я отменил эту жалкую контрольную, что не имела уже ровным счетом никакого значения, перед вещами, гораздо более значимыми, еще даже не свершившимися.

Ученикам я выставил хорошие оценки, как будто за контрольную, я подтянул всех. Никто не сожалел, что так получилось, но все вместе мы условились никому не говорить о нашей тайне, и ученики не подвели меня. В тот день, целых два урока мы провели в беседах, я говорил с учениками, я учил их, учил большему. Тогда они получили знаний, может быть, больше, чем за годы обучения. Это мой бенефис, почти что мой монолог, за редкими вопросами и короткими диалогами. Я то сидел, то стоял, то ходил взад-вперед и говорил, говорил, говорил... а они слушали, смирно и с интересом. А за моей спиной красовался рисунок, написанный мелом на доске, ученицей выпускного класса Анной, одной из лучших в классе и в своем поколении.

На следующее утро рисунка на доске уже не было. Когда я пришел к первому уроку, доска отливала от света ламп своим скучным, однотонным темно-зеленым цветом, вдоволь напитавшимся светлыми разводами от мела. Наверное, после уроков, уборщица, прибираясь в классе, как всегда, каждый день, просто стерла этот рисунок, даже не глядя на него. Привычным движением руки она быстро и уверенно превратила рисунок в пыль от мела, которая, наверное,

неспешно оседала на тряпке и крошилась на пол. Так исчезло нечто необычное, что запало ярким воспоминанием в мою душу, а для школьников это просто удачное стечение обстоятельств, в итоге отменивших контрольную, которая так всех страшила потенциальная возможность испортить аттестат.

Я помню выпускной у этого класса. Как один из ведущих учителей, я конечно же присутствовал на вручении аттестатов и слушал пламенные речи наставлений от директора и прочих моих коллег. Я речи тогда не говорил, только смотрел и слушал. Я помню, как вручали особые аттестаты и медали тем, кто все же добился права их получить. Я помню Анну, как она получила троечный аттестат, одна из немногих в классе, я видел ее мать и сестру, что безмерно гордились ею и с такой горячностью и заботой обнимали свою девочку, теперь уже имеющую корку об образовании, которая в итоге не значила ничего, в ее дальнейшей жизни. После всей этой церемонии и лицемерия я поговорил лично с Анной и ее скромной семьей, выразил глубокую благодарность за ее способности к учебе, ее знания, усердие и дисциплину. Благодарил ее мать и даже маленькую сестру, желал удачи, счастья и много всякого банального, но делал это искренне. Поблагодарил и за рисунок на доске.

А потом она исчезла, исчезла на много лет. Моя жизнь так и не менялась, все шло своим чередом, неплохим, я не жалею, но я не заметил, как состарился и ушел из школы. В дальнейшем я все реже вспоминал о прежней работе, мо-

лодость уходила настолько далеко в прошлое, что уж начинало казаться, что и вовсе ее не было. Все события произошли точно в прошлой жизни и вообще не со мной. Я много времени посвящал домашним делам, время от времени слышал о том или ином человеке, кто некогда значился моим учеником. Об одних говорили хорошее, о других плохое, как и всегда в жизни.

Согласно документации

Нашему захудалому собесу потребовался новый компьютер. Причина не в острой надобности, а просто женщина из непонятно чем занимающегося отдела прошлый куда-то украла, а грядет проверка, значит нужно чем-то прикрыться. Ушлая тетя разведала сайт одной планомерно идущей ко дну компании по продаже тех самых компьютеров с самыми низкими ценами по городу. Эта очаровательная фирма находилась в глухом месте на отшибе города, но по странным причинам в ней работали еще какие-то сотрудники, время от времени даже получающие зарплату.

Бравая женщина на пару с товарищами из бухгалтерии, классифицирующими компьютеры по принципу красивый – некрасивый (монитор, вернее заставка рабочего стола), выбрали самое дешевое наполнение исходя из списка, составленного сыном одной не по годам эмоциональной женщины. Мальчик – молодец, в первом классе он умело указал, что требуется связка процессор – материнская плата – оперативная память и прочее, но умолчал, вольно или не вольно, о связи элементов, что не всякая железяка подойдет друг к другу. Что ж, может он и не смолчал, но какое дело тете, когда бюджет минимален, а компьютер нужен. Набрав комплектующие строго по списку, они распечатали данную номенклатуру, составили форменные документы и эту чудо-бу-

магу подписали на неких величайших уровнях. Нижайшие послушники получили строгий указ, а с ним и позволение закупить именно эту технику и никакую иную.

С нестареющим душой Михаилом Петровичем отправился я в магазин, имея на руках список. Всю дорогу, что ковыляли мы на нестареющей телом «буханке», я слушал истории, периодически разбавленные нецензурными высказываниями и пошлятиной – фразы достойные словарей, и все это под аккомпанемент радио и шума, который, казалось, «буханка» генерирует, а также втягивает в себя со всех сторон вселенной.

На месте мы застали продавца, по виду скучавшего и, для разнообразия, ковырявшегося в носу. Он обреченно глядел в монитор, будто по нему транслировали апокалипсис, а рядом давно остыл растворимый кофе в черной как нефть кружке. Изначально он на нас не обратил внимания, логично предположив, что мы подобны другим людям, уныло заходящим сюда лишь изучить цены и обвести взглядом пыльные витрины с залежавшимся товаром. Слабое освещение этого места и вовсе иной раз вводило в заблуждение, будто мы в музее, и экспонатам крайне вреден любой свет.

Безмолвно обойдя небольшое помещение, мы встрепенулись, когда у продавца из колонок внезапно зазвучали мотивы, отсылающие к заставке знаменитой зарубежной кинокомпании. Разумно предположив, что сейчас продавец расположится в кресле для просмотра кинофильма, а про нас

и вовсе забудет, Михаил Петрович вырвал его из анабиоза одной короткой фразой, частично непечатной.

На этой ноте продавец всполошился, что-то нервно залепетал, всячески демонстрируя свое неудовольствие от общения с нами, существами недостойными, не постигшими знания компьютерного ремесла. Пока я смущенно стоял, не имея наглости грубить в ответ, мой старший товарищ продолжал наращивать мощь словесной бравады, и уже детально высказал свое негодование относительно происходящего, после чего огорошенный продавец покинул помещение (на минуту оставив нас совсем одних в зале), демонстративно вставив в зубы сигарету, а к нам вышел высоченный, худощавый парень, может быть даже школьник, и лишь с ним удалось начать подбирать комплектующие.

Меня совсем не удивило, что подобранные нашей доблестной тетей комплектующие вообще не совпадали между собой. Принципиально. Процессор не вставал в материнскую плату, ровно как и оперативная память. Жесткий диск и привод оказались более новых стандартов и так же не подошли разъемами. Корпус избран без блока питания, а самого блока в спецификации не оставалось, как и операционной системы. Видеокарта, как ни странно, была и оказалась самой дорогой частью и единственной подошедшей по разъему. Это немного смешно, но мы очутились перед фактом, когда ничего не совместимо, но замены невозможны. Не оставалось выбора, кроме как все это насильно скре-

пить, где клеем, где скотчем и, упаковав в данном виде отвезти в наш собес. Как-то исправить ситуацию, выдав по документам одно, а по факту другое, юный продавец не решился, сославшись на строгого начальника, который если прознает, то тут же лишит зарплаты, на что воротившийся с перекура старший товарищ презрительно буркнул, мол и так зарплату полгода не получаем, но однако, дальнейшие мысли о бумажных манипуляциях пресек «от греха подальше».

Возмущению тети из нужного отдела не было предела, и она тут же написала жалобу, обзвонив все возможные инстанции, заявляя, что магазин халтурит, торгует хламом, а не компьютерами, обещала им «веселую жизнь». Скандал продолжался долго, принося в жертву нервы и время. Остановить женщину смогли только на стадии письма президенту, тогда свое вето с угрозой увольнения наложил начальник собеса, опасавшийся огласки с исчезновением злосчастного системного блока, и воинственная защитница потребительского права остыла.

В день прибытия ревизора, по совету Михаила Петровича, компьютер определили куда ему и положено, а на стол выставил телевизор, запустив на нем меню настроек каналов. На том и ждали проверяющего.

И прибыл на том любопытный мужчина, возрастом не менее полутысячи лет, судя по запаху и внешнему виду. Он оказался знатоком компьютеров таким же, каким был бы древний египтянин, окажись он в нашем времени. На все

лады данный субъект расхваливал телевизор, сквозь толщину очков вглядываясь в окно настроек, и отмечая прекрасный голубой цвет, столь приятный для человеческих глаз. Удовлетворенный просмотром, он не постеснялся попросить испить в жару водочки. Заранее ожидая и более того, надеясь на такой поворот, меня посылали за тремя пол литрами, две из которых успешно одолел наш проверяющий, закусив лишь дважды, после чего, он утратил человеческий вид, вместе с тем способность ходить и общаться, но утвердил, что нарушений ни капли, а наш собес – лучший не то что в районе или области, а в мире.

На том история и закончилась, а под ноябрьские праздники и этот нефункционирующий системный блок исчез, и никто как будто об этом не знал.

Конкурс стихов

Районный конкурс стихов получился спонтанным. Ни что и намекать не могло, но тут редакция объявила, что прямо на летней эстраде городского парка культуры и отдыха имени известного писателя состоится данное мероприятие. В самое сердце лета, последние числа июня, вечер пятницы, ну что уже может быть лучше?

Про конкурс объявили в мае, когда еще учились студенты и школьники, а потому часть из них успела получить наставления от учителей и преподавателей, которые в свою очередь получили наставления от вышестоящих инстанций, мол, конкурс редакция наша драгоценная организует при поддержке правящей партии. Желательно участвовать. Нельзя не участвовать. Так все и образовалось.

На конкурс поэтов и по совместительству чтецов заявили все местные маститые писатели, считай профессионалы. Выявились и самоучки как юных лет, так и ровесники мои в районе сорок-пятьдесят лет, так и совсем уж старики, среди которых и бывшие учителя, коим уж за восемьдесят, а они не отошли от ощущения интеллигентной эйфории. Были тут и те же студенты, школьники, а еще работники дома культуры, РАНО, от завода народ пришел, от администрации, но больше соглядатаями. Явились и дети, всего пару девочек и мальчиков с самыми примитивными стихами.

В назначенный день ко времени на лавочках перед сценой стали стекаться разного сорта граждане. Рядом разодетые бабушки соседствовали с неформальной сельской молодежью, пьющими мужчинами, поглощающими горькую из пластиковых стаканчиков, рядом робко дежурили зеленые ППС-ники, ошивались и подростки, считавшие такое мероприятие анахронизмом и ретроградством, негодуя по поводу мероприятия и интересов мещанской публики, противопоставляя свою современную «правильную» культуру пережиткам. Гуляли семьи и парочки, обнимаясь что есть сил; шатались простые люди, собрались, одним словом, все.

Вечер пошел легко и вполне традиционно. Первыми, как водится, выступали плешивые мужчины, всякая местная власть и начальство, что-то бубнили, что-то провозглашали, как водится на любом мероприятии, да так и стихали. Публика ждала начала.

Люди выступали по очереди, первыми шли лидеры, местные профессионалы пера, псевдопрофессионалы (устроенные по блату работники редакции), потом пару никому не известных членов Союза писателей, а дальше как попало, вперемишку до самого вечера. Было весело, все общались, шутили, шумели, слушали, смеялись, комментировали, болели за своих и чужих и все так хорошо, как всегда в провинции, пока еще не стемнело, не вылезли местные упыри, что бродят ночами и пьют.

День угасал, золотой час медленно сменялся сумерками.

Я уж давно отстрелялся неплохим стихом о любви и жизни, о всяких важных вещах и был таков.

Объявляли победителей с конца. Третье место получил опытный поэт: старый, пьющий, но и правда неплохой в письменных упражнениях. На сцену он взошел уже подшофе, но в виде приличном, и даже смущено краснел, при этом вида благородства и величия не утратил. Второе место взял какой-то местный мужичек, написавший серьезный текст про войну, и всех очень поразил, а я так даже едва не прослезился. Тронуло.

И вот победитель! Честно, я ждал победу, потому что хорошо, красиво сочинил и прочитал, мне хлопали и вроде бы даже готовы были голосовать. Но, увы, как иначе? Победу отдали маленькой противной, капризной девочке с самым паршивым, унылым стихом. Отдали победу ребенку из жалости, она же дите. Какое безобразие!

Не было предела моему негодованию, я так гневался, ругался, пил беленькую с незнакомыми мужиками на лавочке. А потом пошел домой и скоро обо всем это забыл, окунувшись в повседневность.

Развод мостов

Заметка

Я шел по Невскому проспекту и приближаясь к Аничковому мосту ловко отбивался от стаи зазывал, приглашающих покататься на корабликах, и между тем успел подслушать занятный диалог.

Параллельно со мной шагали две женщины, на вскидку им чуть менее сорока лет, ну или может слегка за сорок – в общем, молодые еще. Идут неспешно, прогуливаются, о чем-то говорят и с улыбкой смотрят то туда, то сюда, ну, сразу видно – туристы. Бросая все, на такой типаж мгновенно клюет любой зазывала и вот едва я сблизился с ними, как к дамам подбегает высокий, сухенький мужичек, с длинной шеей, в панаме и яркой-оранжевой толстовке с потрепанной картой в руке и говорит:

– Девушки! По рекам и каналам Санкт-Петербурга приглашаем! – отчеканил, правда не слишком уверенно, мужчина (новичок, наверное).

– Нет, спасибо, мы уже накатались, – легко и беззаботно сообщают женщины, не меняя скорости и траектории движения.

– Ну, как же, – немного замаялся от такого ответа зазывала, – а как же еще ночной развод мостов...

– Нет, спасибо, – протянула с улыбкой одна из женщин, – нас уже вчера развели...

На этом я их обогнал, не услышав было ли продолжение и согласились ли они на еще один развод.

Длинные волосы

Я приехал в этот небольшой город по производственной необходимости, считай, командировке, но затяжной. Наша бригада тянула линии электропередач к удаленным районам, где вот-вот должна начаться постройка большого агрокомплекса. По примерным оценкам мы рассчитывали провести в этом небольшом городе с 15-20-тысячным населением около полутора месяцев. На время проживания нас заселили в единственную в городе гостиницу, застывшую в антураже времен позднего СССР, а за окном – чуть более современный город, окрашенный вывесками и сайдингом. Как только мы заселились, я прикинул, что срок нахождения предстоит здесь как минимум не малый, а потому решил, что хорошо бы как-то разнообразить свой досуг, куда-то выходить, завести знакомства с каким человеком, а то и парой человек, да и вообще жить практически обычный гражданской жизнью. Днями общаться с соратниками из нашей бригады было, конечно, интересно, но за годы совместной работы уже поднадоело, да и знали мы друг о друге ровно все, а потому и новых тем для бесед считай не осталось, а иной раз и поговорить охота.

Дело было в мае, и в городе стояла восхитительная погода. Город утопал в зелени, и мало того, что кругом леса, так и сам город изобиловал парками, аллеями, скверами и про-

сто дикорастущими деревьями по дворам. Много травы, цветов, клумб и кустов. Жужжат насекомые, поют птицы и вообще все замечательно. Одним из вечеров я заходил в кафе неподалеку, выпил две кружки холодного пива и пошел прогуляться до парка, где встретил старичков, что играли в шахматы и присоединился к ним. Они приняли меня любезно, много спрашивали, много рассказывали.

В один момент к одному из мужчин подошел высокий, худой парень и поздоровался, здравствуйте, мол, Павел Иванович.

– И тебе привет, Сашка. Что бродишь?

– Да, воздухом дышу.

– Опять, что ли, это вот начнется, – пошутил один.

– Это не это, а что-то, да не то, – поддакнул второй.

– Не чудите, мужики, пусть хлопец гуляет, – вступился Павел Иванович.

– Да, пойду я маленько еще пройдуся, – сказал Сашка и ушел.

Только сейчас я внимательно его рассмотрел и заметил, что у него были ужасно длинные волосы, не меньше метра точно.

– Чего это он, спросил я?

– Видок такой? Так он это, того, наверное, – сказал первый.

– Точно того, странный он, – подтвердил второй.

– Ну, понятно, – кивнул я и продолжил играть.

Прошло пару дней по вечерам я все так же выходил в город и довольно умело примыкал к случайным компаниям, успев завести шапочные знакомства с самыми разными простенькими людьми. Одним из вечеров я стоял, общался с местным артистом дома культуры, и мимо нас снова прошел этот странный молодой человек с длинными волосами.

– Здоров, Сашк! – отвлек его мой товарищ.

– Здравсьте, дядь Толь.

– Ты чего тут?

– Да хожу, дышу.

– Опять, значит, дурью маешься?

– Да не, гуляю я ж, говорю.

– Ну, ты даешь, ну ступай, значит.

Сашка ушел, а я из любопытства спросил у Толика, как же мол, живетсЯ то ему.

– Что же он, говорят, того. Из этих?

– Как еще этих?

– Ну, тех самых, стало быть.

– Это которых?

– Женщины, которых, стало быть, не интересуют.

– Тьфу ты, что ты, думаешь он голубой, что ли? Ха, да не, все ж знают, что Сашка нормальный, только дурачок.

– Это в каком смысле?

– Ты на волосы купилсЯ? Это у нас его таким за волосы только школьники и ПТУшники считают, кто не знает его. Он их по другой дурости отпустил копной.

– Это какой же?

– А я тебе так специально и не смогу донести, это надо ловко, чтобы он сам, значит, рассказал. Хочешь, догони, спроси, он тебе и расскажет.

А и догоню, подумал я, отчего не догнать? Времени – вагон, отчего бы и не догнать, спросить у человека все обстоятельства.

Распрощавшись с Анатолием, я прибавил шаг, очень скоро настиг медленно ступавшего Сашку, что как шпала покачивался от собственных шагов.

– Александр, стало быть? – спросил я его.

– Как есть.

– Я вот тут по такому вопросу...

– Про космос хотите знать?

– Какой еще космос? – спросил я, и тут я сразу понял, что парень – чужак.

– Я ж слышать его могу, эфир принимаю, – будучи совершенно трезвым отвечал Александр.

– Это как же эфир?

– А вот, видите, какие у меня волосы? Так только все люди думают, что это просто волосы, но на самом деле они у нас особенные, это как специальные антенны, прямо как у радиоприемника. Только все их стригут и ничего не слышат, а другие не стригут и слышат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.